

К ПРОБЛЕМЕ РОЖДАЕМОСТИ В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ РОССИЙСКОМ ГОРОДЕ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА (на материалах Тамбова)¹

Дмитрий Валерьевич СТРЕКАЛОВ, Наталья Валерьевна СТРЕКАЛОВА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

E-mail: strekalovanv@mail.ru

Аннотация. Рождаемость, являясь важнейшим первичным демографическим процессом, играет ключевую роль в процессе воспроизводства населения, оказывает влияние на все сферы жизни общества. Рассмотрен ряд проблемных и дискуссионных вопросов, связанных с изучением отдельных аспектов рождаемости в российском провинциальном городе в конце XVIII – первой половине XIX века. Выявлены особенности и проблемы учета и регистрации рождений. Проанализированы коэффициенты рождаемости, количество рождений на один брак, число детей в семьях, половое соотношение родившихся, число и удельный вес незаконнорожденных детей в структуре новорожденных провинциального губернского города в конце XVIII – первой половине XIX века. Сравнительный анализ показал, что коэффициенты рождаемости в Тамбове в изучаемый период колебались от высоких до сверхвысоких, характерных для традиционного типа рождаемости. Вместе с тем сокращалось число детей в семьях жителей Тамбова, снижалась доля семей, имевших шесть и более детей. Удельный вес внебрачных детей у православного населения Тамбова в конце XVIII – первой половине XIX века сокращался, а в пореформенное время их доля заметно выросла. Шло снижение младенческой смертности. Сделан вывод о необходимости расширения источниковой базы исследования, использования методологического и методического арсенала междисциплинарных подходов, возможностей информационных технологий, которые позволят уточнить ряд количественных показателей, характеризующих рождаемость и демографические процессы в целом в российском провинциальном городе в конце XVIII – первой половине XIX века.

Ключевые слова: рождаемость; Тамбов; городское население; демографические процессы

Историко-демографические исследования, посвященные проблемам рождаемости, в условиях наблюдающегося сегодня в России демографического кризиса представляют не только научный, но и общественный интерес. Динамика и уровень рождаемости являются одними из ключевых характеристик развития населенного пункта и важными составляющими естественного движения населения. Рождаемость, ее количественные и качественные характеристики становились предметом исследования демографов, социологов, историков. К концу XVIII – началу XIX века были разработаны методические приемы измерения рождаемости и система ее показателей. В советской историографии росту городского населения как одному из важных маркеров, характеризовавших капиталистическое развитие России, придавалось осо-

бое значение [1, с. 85]. Заметный вклад в развитие отечественной исторической демографии в целом и изучение рождаемости в частности внесли работы А.Г. Рашина, А.Г. Вишневого, Я.Е. Водарского, В.М. Кабузана и др. [1–4].

Новые подходы и методы были сформулированы представителями французской школы «Анналов» и развиты в работах сторонников «новой социальной истории» [5–8].

Сегодня проблемы рождаемости рассматриваются в рамках общих и специальных исследований историко-демографических процессов и явлений применительно к отдельным регионам, населенным пунктам, хронологическим периодам, сословно-социальным группам [9–18].

Для исследования проблемы были использованы метрические книги церкви г. Тамбов конца XVIII – первой половины XIX века, материалы ревизий и списков городских обывателей, Памятные книжки Тамбовской губернии, делопроизводственные и

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Городская семья и процессы социальной модернизации провинциального русского города в конце XVIII – начале XX в.: портрет на фоне эпохи (на материалах Тамбова)» № 17-11-68006-ОГН (ОГН-Р_ЦЕНТР-А).

статистические материалы². Для обработки и анализа сведений первичных массовых источников были созданы электронные базы данных [19]. Внедрение информационных технологий в гуманитарные исследования (включая историко-демографические) дает новые возможности обработки больших массивов данных, и прежде всего первичных материалов, что, в свою очередь, позволяет расширить поле научного исследования, уточнить уже существующие выводы и получить новые результаты [20].

Количественные данные, которые позволяют выявить различные параметры демографических процессов и воспроизводства населения в целом, по мнению исследователей, «всегда будут занимать центральное место в историко-демографическом источниковедении», поскольку в этом заключается «специфика изучения демографической истории» [21, с. 113].

Одним из базовых количественных показателей для изучения демографического развития населенного пункта является коэффициент рождаемости. Однако исследователи не раз подвергали критике методику его подсчета и связанные с ней результаты. В вопросах достоверности данного показателя следует быть осторожным, принимая в расчет неточность и несовершенство статистики конца XVIII – первой половины XIX века в целом и качество регистрации рождений в частности. Динамика коэффициентов рождаемости могла отражать не только реальные демографические процессы, но и быть результатом изменения двух этих факторов к середине XIX века.

До 1830-х гг. качество метрического учета рождений и младенческой смертности было низким. Особенно много нареканий

вызывает регистрация рождений и смерти младенцев женского пола. Э.А. Морозова, проанализировав демографические процессы в торгово-промышленном селе Рассказово Тамбовской губернии, сделала вывод о том, что до 1842 г. нельзя говорить о качественной регистрации рождений и крещений младенцев даже в церкви крупного села [16]. При этом на долю этих групп (младенцев женского пола и умерших до года) приходилось до трети родившихся и до 40 % умерших за год [22, с. 158].

В конце XVIII – первой половине XIX века в приходах Тамбовской губернии младенческая и детская смертность была высокой и составляла около 60 % [23, с. 221]. В Тамбове на протяжении исследуемого периода шло снижение удельного веса младенческой смертности с 39 % в 1834 г. до 29 % в 1857 г. и до 18,7 % в 1868 г.³

Исследователи связывают низкое качество учета младенческой смертности с тем отношением, которое сложилось в обществе в целом и у священников в частности к смерти детей во время родов или непосредственно после них. По мнению ученых, в сельском быту, а вероятно, ранее и в городе, такие рождения считались «нерождением» и священниками могли не регистрироваться [18].

С.А. Новосельский – статистик и демограф второй половины XIX – начала XX века отмечал, что качество статистики в отношении мертворожденных было крайне низким даже применительно к России начала XX века [24, с. 47-48].

Не только церковный, но и административный учет в исследуемый период не отличался компетентностью и добросовестностью лиц его осуществлявших. Неудовлетворительное состояние дел в этой сфере в Тамбове отмечал переведенный сюда в 1797 г. губернатор Н.С. Лаптев⁴.

В 1850-е гг. в метрических книгах встречаются записи, которые свидетельствуют не только о фиксировании, но и определенном разграничении случаев смерти детей сразу после родов в зависимости от причин и обстоятельств. Например, в одном случае в ка-

² ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. 1049. Оп. 5. Ед. хр. 2196, 2197, 2198, 2199, 2200, 2201, 2202, 2427, 2428, 2429, 2430, 2431, 2432, 2521, 2524, 2525, 2526, 2528, 2529, 2530, 2532, 2533, 2534, 3323, 3325, 3326, 3327, 3328, 3329, 4702, 4711, 4712, 4713, 4714, 4715, 4716, 5051, 5052, 5053, 5054, 5695, 5696, 5697, 5728; 5729, 5730, 5731, 5732, 5733, 5734, 5735; Там же. Ф. 16. Оп. 13. Ед. хр. 14; Оп. 91. Ед. хр. 29; Памятная книжка для Тамбовской губернии на 1861 год. Тамбов, 1860; Памятная книжка Тамбовской губернии на 1864 год. Тамбов, 1863; Памятная книжка Тамбовской губернии на 1866 год. Тамбов, 1866; Памятная книжка Тамбовской губернии на 1868 год. Тамбов, 1868; Статистический временник Российской империи. Вып. 12. Спб., 1877 и др.

³ Посчитано по: ГАТО. Ф. 1049. Оп. 5. Ед. хр. 2196-2202, 5051-5054, 5695-5697; Статистический временник Российской империи. Вып. 12. Спб., 1877. С. 218-246.

⁴ РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1374. Оп. 1. Ед. хр. 124. Л. 1-3.

честве причины смерти новорожденного во время родов было записано «недоносок», в другом – «мертворожденный»⁵.

Метрические книги учитывали только православное население города, которое составляло более 98 % населения Тамбова в 1790–1850-е гг.

Анализ коэффициентов рождаемости в Тамбове свидетельствовали о заметном колебании этого показателя в конце XVIII – первой половине XIX века: от 19,4 % в 1795 г. до 65 % в 1830 г. Наблюдались периоды подъема и спада рождаемости. Так, с 1795 г. к 1800 г. этот показатель вырос с 19,4 до 43,3 %. В 1800–1810-е гг. он снизился до 34–36 %. Новый подъем рождаемости наблюдался к 1830 г. Коэффициент рождаемости в этом году составил 65 %. В 1834 г. – 43 %. В 1857 г. он вырос до 48,3 %. В 1860–1865 гг. данный показатель составлял от 42 до 48 %⁶.

Общие коэффициенты рождаемости в Тамбове в изучаемый период по шкале оценки, предложенной Б.Ц. Урланисом и В.А. Борисовым, практически за все анализируемые годы колебались от высоких (от 30 до 39 %) до сверхвысоких (от 40 %).

Уровень рождаемости в Тамбове в первой половине XIX века был ниже, чем в среднем в городах Российской империи. Так, по данным Б.Н. Миронова, коэффициент рождаемости для городского населения России в 1801–1860-е гг. составлял 55,0 % [15, с. 552].

Высокие и сверхвысокие коэффициенты рождаемости в первой трети XIX века были зафиксированы по уездному городу Тамбовской губернии Моршанску. По мнению М.К. Акользиной, это было связано с массовым притоком в город и крещением в городских церквях жителей других территорий, не приписанных к городу [9, с. 164].

⁵ ГАТО. Ф. 1049. Оп. 5. Ед. хр. 5695.

⁶ Посчитано по: ГАТО. Ф. 1049. Оп. 5. Ед. хр. 2196, 2197, 2198, 2199, 2200, 2201, 2202, 2427, 2428, 2429, 2430, 2431, 2432, 2521, 2524, 2525, 2526, 2528, 2529, 2530, 2532, 2533, 2534, 3323, 3325, 3326, 3327, 3328, 3329, 4702, 4711, 4712, 4713, 4714, 4715, 4716, 5051, 5052, 5053, 5054, 5695, 5696, 5697, 5728, 5729, 5730, 5731, 5732, 5733, 5734, 5735; Памятная книжка Тамбовской губернии на 1864 год. Тамбов, 1863. Таблица V-я; Памятная книжка Тамбовской губернии на 1866 год. Тамбов, 1866. С. 32; Памятная книжка Тамбовской губернии на 1868 год. Тамбов, 1868; Статистический временник Российской империи. Вып. 12. Спб., 1877. С. 20-21.

Общие коэффициенты рождаемости в приходах земледельческих сел Тамбовской губернии к середине XIX века заметно выросли. Так, в селе Малые Пупки коэффициент рождаемости увеличился с 36,1 % в 1816 г. до 50,7 % в 1858 г. Схожая динамика наблюдалась в приходах сел Байловка и Калугино, где в первой половине XIX века этот показатель вырос с 25–30 % в 1816 г. до 60,5 % и 63,1 % соответственно к 1858 г. [25].

Коэффициенты рождаемости в ряде стран Западной Европы первой половины XIX века составляли: в Норвегии – от 26,8 до 33,7 %, в Финляндии – от 32 до 39,2 %, во Франции – от 26 до 34,8 %, в Германии – от 34 до 36,8 %, в Дании – от 29 до 32,9 %, в Англии – 32–34 % (по другим данным от 38 до 42 %) [11, табл. 371, табл. 372; 26, с. 147].

А.Г. Вишневецкий отмечал, что «на пути достижения «наиболее полезной нормы» рождаемости в России стояли два главных препятствия: высокая смертность (особенно детская), делавшая высокую рождаемость непременным условием выживания населения, и система культурных норм и ценностей, которая определяла в основных чертах демографическое поведение населения». По его мнению, «на протяжении многих столетий эти нормы и ценности оставались в общих чертах неизменными и всегда требовали такого поведения, которое и обуславливало высокую рождаемость» [2, с. 105-134].

Б.Н. Миронов считает, что «высокий уровень брачности при психологической установке на многодетность предполагал высокую рождаемость в России». Снижение коэффициента рождаемости, по мнению Б.Н. Миронова, началось в городах лишь в 1860-е гг. [15, с. 576].

Низкими даже по нормам современного общества представляются показатели рождаемости в Тамбове в 1795 г. Очевидно, что одной из причин могло быть качество учета. В 1830 г. и 1857 г. коэффициенты рождаемости были самыми высокими из числа лет, включенных в анализ. Рождаемость в Тамбове в эти годы была выше, чем в среднем в городах России. В эти же годы были зафиксированы самые высокие значения коэффициента брачности тамбовских обывателей [27].

По мнению исследователей, особое влияние на рождаемость оказывало матримонильное поведение населения и демогра-

фическое поведение супругов в браке, которое определяло уровень брачной рождаемости. Определенное значение имела и внебрачная рождаемость [2, с. 105-134].

Проведенный анализ позволяет говорить о том, что рождаемость в Тамбове находилась в зависимости от брачности: снижение или увеличение коэффициента брачности оказывало влияние на коэффициенты рождаемости [27]. Коэффициенты брачности в Тамбове к концу XVIII – первой половине XIX века колебались от 5,3 ‰ до 12,1 ‰. В структуре населения губернского центра увеличивалась доля «холостых и незамужних». По данным ревизских сказок, их доля в 1795 г. составляла 14,2 %, в 1833 г. – 18 %, в 1857 г. – 24 %. Вырос средний возраст вступления в брак: в 1795 г. средний возраст холостых мужчин города составлял – 20,1 лет, девиц – 22,5 года, в 1833 г. – 22,3 и 22,9 соответственно, в 1850 г. – 23,04 и 23 года. К 1857 г. эти показатели выросли до 24 лет 8 месяцев у мужчин и 24 лет 7 месяцев у женщин⁷.

На процессы брачности и рождаемости оказывали влияние внешние факторы: войны, эпидемии и др. Так, окончание Крымской войны сказалось на ряде демографических показателей, в том числе брачности и рождаемости. По данным на 1857 г., значительный процент среди тамбовских обывателей, вступивших в брак, и среди родителей новорожденных, зарегистрированных в метрических книгах приходских церквей Тамбова, приходился на военных. Вырос удельный вес матерей, записанных как «солдатки». Согласно метрическим книгам Спасо-Преображенского собора, у 86,3 % зарегистрированных в этом году младенцев (у 120 из 139) родители относились к данной категории. Среди них числились и военнопленные: 46 военнопленных французской армии (при этом уточнено, что семеро из них были «магометанского вероисповедания», девять – католиками) и трое военнопленных англичан⁸.

Коэффициенты рождаемости в Тамбове в 1857 г. сопоставимы с показателями по торгово-промышленному селу Рассказово, в котором в 1856–1858 гг. было зафиксировано

увеличение числа рождений [16]. Послевоенные годы (1813 г. и 1857 г.) характеризовались ростом числа браков и рождений. Подобные явления исследователи объясняют «действием компенсационных механизмов» [1, с. 9].

Предметом дискуссий остается проблема определения числа рождений, приходившихся на один брак. Самые низкие показатели рождаемости на один брак (в рамках анализируемого периода) приходились на 1795 г. В этом году на один брак приходилось 2,2 рождения. По данным на 1793 г. в Тамбовской губернии в среднем на один брак приходилось 3,7 рождения⁹.

Отмечалось несовпадение пиковых годов брачности жителей Тамбова с максимальными показателями рождений на один брак. Самое большое число рождений на один брак (8,4) в Тамбове в исследуемый период было зафиксировано в 1834 г. Этому году предшествовали так называемые «неблагоприятные годы» (по данным А.Г. Рашина: 1830 г. – холера, 1833–1834 гг. – неурожайные годы) [1, с. 36-37]. В 1830 г. число рождений на один брак в губернском центре составляло 5,9. Для сравнения можно отметить, что в торгово-промышленном селе Рассказово Тамбовской губернии в 1828–1834 гг. этот показатель составлял 6,24, а к середине XIX века – 4,78 рождений на один брак [16]. В уездном Моршанске в 1830–1870-е гг. на один брак приходилось 5,4 рождений [9, с. 164]. В 1860-е гг. в Тамбове в среднем на один брак приходилось 5,31 рождений, а в Тамбовском уезде – 5,36. В первой половине XIX века в России на один брак приходилось 5,3 новорожденного [15, с. 577].

Наиболее точным показателем уровня рождаемости является «суммарный коэффициент рождаемости», который характеризует среднее число рождений у одной женщины в гипотетическом поколении за всю ее жизнь. Однако, как справедливо отмечают исследователи, точно определить, сколько раз рожала женщина в конце XVIII – первой половине XIX века, сложно, поскольку источники фиксировали только детей, которые выжили и проживали в семье (не учитывались умершие, замужние дочери и женатые сыновья, проживавшие отдельно). Дополнительную

⁷ Посчитано по: ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 247, 462, 702, 1105, 1416-1430, 1800-1805, 1847, 1890-1893, 1897-1899, 2070-2078, 2127.

⁸ Посчитано по ГАТО. Ф. 1049. Оп. 5. Ед. хр. 5695.

⁹ Посчитано по: РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Ед. хр. 359. Л. 8.

информацию по проблемам рождаемости в провинциальном городе может дать анализ «специального коэффициента рождаемости» – отношения родившихся живыми за календарный год к среднегодовой численности женщин репродуктивного возраста. Более точными измерителями уровня рождаемости, по мнению исследователей, служат частные коэффициенты: возрастной, коэффициенты брачной и внебрачной рождаемости, коэффициент брачной рождаемости по продолжительности брака и очередности рождения, коэффициент брачной рождаемости по сочетанию возрастов отца и матери и др.

Около трети членов семей жителей Тамбова по данным ревизий и списков городских обывателей первой половины XIX века составляли дети (сыновья и дочери). Заметным было преобладание сыновей, что объяснялось в том числе тем, что они чаще оставались жить с родителями, а дочери, выданные замуж, в исключительно редких случаях проживали в семье отца или брата [28].

В конце XVIII – первой половине XIX века снижался удельный вес детей в составе больших семей жителей Тамбова. На протяжении исследуемого периода отмечался рост числа и удельного веса семей обывателей Тамбова, в которых был только один ребенок. В 1795 г. на долю таких семей приходилось 30,6 %, а в 1857 г. – более 47 % от числа больших семей с детьми. От одного до четырех детей было зафиксировано в 84,5 % больших семей с детьми жителей Тамбова в 1795 г. В 1857 г. доля таких семей выросла до 92 %. Увеличивался удельный вес бездетных семей, а доля многодетных семей сокращалась. Так, в 1795 г. семьи, в которых было шесть и более детей, составляли около 9,5 % семей с детьми жителей губернского центра, а в 1857 г. их доля сократилась до 3,8–4 %. Наблюдалась тенденция к уменьшению людности семьи и семейного домохозяйства тамбовских обывателей в исследуемый период [28, с. 125].

По данным ревизии на 1857 г. 16 детей проживало в большой составной семье тамбовского купца 3-й гильдии Ильи Павловича Федотова. Это максимальное число детей, которое было установлено, исходя из материалов проанализированных источников¹⁰.

Малые семьи тамбовских обывателей демонстрировали еще более умеренное число детей. Исходя из проанализированного тамбовского материала, не имели детей моложе 16 лет 36 % семей жителей Тамбова в 1795 г. и около 25 % – в 1857 г. Однако вопрос о бездетных семьях достаточно сложен. К этой цифре необходимо подходить осторожно, а выводы требуют дополнительной проверки.

Анализ числа детей в семьях тамбовских обывателей в зависимости от сословия в первой половине XIX века показал, что в среднем на одну брачную пару купцов Тамбова приходилось от четырех до пяти детей, духовенства – три–четыре ребенка, на брачную пару представителей дворянства и чиновничества – один–два ребенка. В дворянских семьях практически не проживали взрослые дети. В конце XVIII века в Тамбовской губернии на одну дворянскую семью приходилось 2,84 ребенка [18].

Преобладание малых семей, состоявших из бездетных супружеских пар или пар с одним–двумя несовершеннолетними детьми, отмечалось и для семей чиновников городов Тверской губернии в первой половине XIX века [10]. Исследователи полагают, что на рождаемость в этой сословно-социальной группе влияли особенности брачного поведения их представителей, включая вступление в брак в более зрелом возрасте [15, с. 179].

По информации метрических книг абсолютное большинство составляли дети, которые родились у супругов, находившихся в законном брачном союзе. Однако фиксировались и случаи появления на свет незаконнорожденных детей, семейный статус матерей которых был «девица», «вдова», «солдатка». В составе семей тамбовских обывателей проживали подкидыши и приемыши.

Своего рода «клеймо» незаконнорожденного оставалось за человеком на всю жизнь. Например, в списках обывателей Тамбова первой половины XIX века в информации о взрослой девушке или юноше встречалось указание на обстоятельства появления ее или его на свет: незаконнорожденный, подкидыш или приемыш¹¹.

Незаконнорожденные дети появлялись на свет ежегодно. Однако их число было невелико. Священниками приходских церквей Тамбова в 1795 г. было зафиксировано всего

¹⁰ ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 2073. Л. 89.

¹¹ ГАТО. Ф. 16. Оп. 91. Ед. хр. 29. Л. 10, 58, 80 и др.

семь случаев появления на свет незаконнорожденных (6 мальчиков и 1 девочки) и одного подкидыша «женского полу», что составляло 3,9 % от числа родившихся в этом году¹².

В 1834 г. записи о незаконнорожденных младенцах были выявлены в метрических книгах двух церквей губернского центра. В метрической книге церкви св. Архидиакона Стефана было зафиксировано 26 незаконнорожденных. В книгу кафедрального собора Тамбова в этом же году были внесены данные о четверых таких новорожденных. Всего в 1834 г. было зарегистрировано 30 незаконнорожденных детей, на которых приходилось 3,7 % от числа родившихся в этом году¹³.

В 1860 г. было установлено 34 случая рождения младенцев у лиц, не состоявших в законном браке. На свет появился один подкидыш «мужского полу». Суммарно на долю этой группы новорожденных приходилось 2,4 % от числа родившихся в этом году¹⁴.

В 1864 г. в Тамбове было зафиксировано 109 незаконнорожденных (7,8 % от числа родившихся), в 1865 г. – 98 (7,2 %), в 1866 г. – 112 (7,1 %), в 1868 г. – 100 (53 мальчика и 47 девочек), что составило 8,3 % от числа родившихся в этом году¹⁵.

Согласно данным торгово-промышленного села Рассказово Тамбовской губернии, в 1810 г. на долю незаконнорожденных приходилось 1,5 % младенцев, появившихся на свет в этом году. В селах Тамбовской губернии их удельный вес составлял 1,1 % [16]. В 1865 г. доля незаконнорожденных от числа всех родившихся в городах губернии в этом году составляла 3,59 %, в уездах – 1,85 %, в 1866 г. – 3,47 и 1,83 %, соответственно.

Таким образом, удельный вес незаконнорожденных в губернском центре был выше, чем в других населенных пунктах губернии. В Европейской России в первой поло-

вине XIX века на долю незаконнорожденных приходилось в среднем 3,3 % всех новорожденных. На число и удельный вес незаконнорожденных детей оказывал влияние размер и статус населенного пункта: чем крупнее населенный пункт, тем выше был данный показатель [15, с. 581]. Можно отметить, что в исследуемый период удельный вес внебрачных детей у православного населения Тамбова в первой половине XIX века снижался, а 1860-е гг. заметно вырос. Увеличилось число внебрачных детей в пореформенное время в Европейской России в целом [15, с. 582].

Точного учета и полных сведений по подкидышам в Российской империи в первой половине XIX века нет. В 1839 г. за подкидывание младенцев в России были привлечены к уголовной ответственности 47 мужчин и 123 женщины. Однако исследователи считают, что таких случаев было значительно больше [22, с. 184].

Согласно исследованиям, если общая рождаемость составляет 40–50 рождений на тысячу человек, то это означает, что брачная плодовитость находится на физиологическом пределе, а сознательного массового ограничения рождаемости нет [15, с. 579]. А.Г. Вишневский считает, что «вплоть до самой революции изменения в демографическом поведении в Европейской России, бывшей наиболее развитой частью всей России, не носили кардинального характера». Он полагает, что можно говорить лишь о «самых ранних стадиях перехода к современному типу рождаемости, главная черта которого – повсеместное распространение, общепринятость внутрисемейного регулирования деторождения» [2, с. 105-134]. Однако вопрос о том, с какого времени можно говорить о начале достаточно массового сознательного регулирования рождаемости (использование противозачаточных средств, аборты, искусственные выкидыши), остается дискуссионным [15, с. 581-595; 11, с. 100-145]. Дополнительного исследования требует оценка степени влияния этих факторов на рождаемость, на число и удельный вес незаконнорожденных детей и подкидышей.

По мнению исследователей, в нормальных условиях на 100 девочек рождается примерно 104–105 мальчиков. Преобладание в числе родившихся младенцев мужского пола было характерно как для России в це-

¹² Посчитано по: ГАТО. Ф. 1049. Оп. 5. Ед. хр. 2196, 2197, 2198, 2199, 2200, 2201, 2202.

¹³ Посчитано по: ГАТО. Ф. 1049. Оп. 5. Ед. хр. 5051, 5052, 5053, 5054.

¹⁴ Посчитано по: ГАТО. Ф. 1049. Оп. 5. Ед. хр. 5728, 5729, 5730, 5731, 5732, 5733, 5734, 5735.

¹⁵ Посчитано по: Памятная книжка Тамбовской губернии на 1864 год. Тамбов, 1863. Таблица III; Памятная книжка Тамбовской губернии на 1866 год. Тамбов, 1866. С. 20; Памятная книжка Тамбовской губернии на 1868 год. Тамбов, 1868; Статистический временник Российской империи. Вып. 12. Спб., 1877. С. 22-23.

лом, так и для отдельных населенных пунктов Тамбовской губернии. В Тамбове в конце XVIII – первой половине XIX века на 100 девочек в среднем рождалось 106 мальчиков. Эта ситуация, довольно распространенная в учетных документах многих стран XVIII – начала XIX века, исследователями интерпретируется по-разному. Одни полагают, что это обстоятельство объясняется неполной регистрацией родившихся девочек в первые три десятилетия XIX века. А.Г. Рашин, опираясь на данные V-й и VI-й ревизий, сделал выводы о том, что женщины в этих ревизиях не были полностью учтены, вследствие чего не показано их преобладание в населении России. Согласно его данным на 100 мужчин в Российской империи в 1796 г. приходилось 94,2 женщины, а в 1812 г. – 97,7 [1, с. 18].

Известный дореволюционный исследователь демографических процессов С.А. Новосельский полагал, что в первой половине XIX века среди православного населения России «менее удовлетворительная регистрация родившихся (вероятно также и умерших) девочек, чем мальчиков наблюдалась, поскольку «мужская душа» имела большее значение как податная единица... чем «женская душа» [24, с. 47-48]. Анализируя половое соотношение родившихся, он отмечал преобладание мальчиков в числе родившихся у православного населения Российской империи в первой половине XIX века: на 100 девочек в 1800–1809 гг. рождалось 112,2 мальчиков, в 1810–1819 гг. – 110,1, в 1820–1829 гг. – 109,0, в 1830–1839 гг. – 105,9, в 1840–1849 гг. – 104,8. Изменение соотношения родившихся мальчиков и девочек он связывает с улучшением качества регистрации [24, с. 48].

Ряд исследователей считают, что диспропорция полов была реальной. Преобладание мужчин, по их мнению, свидетельствовало о практике явного или скрытого инфантицида – умышленной или неосознанной небрежности при уходе за грудными младенцами, чаще девочками, что приводило к их более высокой смертности [26, с. 147-149].

Заметная разница в половом соотношении родившихся в Тамбове была в 1795 г.: было зарегистрировано появление на свет в этом году 128 мальчиков и 79 девочек. Это обстоятельство отчасти могло быть связано со значительным недоучетом рождений де-

вочек, что не раз отмечалось исследователями для Российской империи XVIII – начала XIX века [4, с. 79]. В конце XVIII века существенный «перевес» в рождении мальчиков наблюдался в Тамбовской губернии в целом. В 1798 г. в Тамбовской губернии родилось 24485 мальчиков и 19302 девочки (всего 43787 младенцев)¹⁶.

С 1810–1820-х гг. проявляется некоторая стабилизация полового соотношения новорожденных в Тамбове, с тенденцией к половому паритету. В среднем отношение числа родившихся девочек к мальчикам составляло 0,89–0,95. Подобная картина в селах Тамбовской губернии начинает наблюдаться с 1830-х гг. [16; 25].

В торгово-промышленном селе Рассказово в 1812 г. и 1830 г. на одно рождение мальчика приходилось 0,5–0,65 рождений девочек [16]. В Тамбове в эти годы данное соотношение составляло 1 к 0,95 (в 1812 г.) и 1 к 0,89 (в 1830 г.).

В анализируемый период число родившихся младенцев мужского пола в Тамбове превышало число родившихся девочек за исключением нескольких лет. Так, в 1799/1800 г. родилось 232 мальчика и 244 девочки, в 1860 г. – 717 мальчиков и 766 девочек, в 1868 г. – 592 и 608 соответственно¹⁷.

По мнению В.Л. Дьячкова, 1800, 1860 и 1868 гг. являются так называемыми «благоприятными годами», которые характеризовались повышением рождаемости и понижением смертности, преобладанием девочек в числе родившихся, уменьшением доли женщин среди умерших. «Неблагоприятные годы», по мнению исследователя, напротив, отличались снижением уровня рождаемости, повышением уровня смертности, сокращением доли девочек среди новорожденных и увеличением удельного веса женщин среди умерших [23, с. 221-223].

Половое соотношение новорожденных в исследуемый период в губернском центре было характерно для картины городской ро-

¹⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Ед. хр. 578. Л. 5.

¹⁷ ГАТО. Ф. 1049. Оп. 5. Ед. хр. 2196, 2197, 2198, 2199, 2200, 2201, 2202, 2427, 2428, 2429, 2430, 2431, 2432, 2521, 2524, 2525, 2526, 2528, 2529, 2530, 2532, 2533, 2534, 3323, 3325, 3326, 3327, 3328, 3329, 4702, 4711, 4712, 4713, 4714, 4715, 4716, 5051, 5052, 5053, 5054, 5695, 5696, 5697, 5728, 5729, 5730, 5731, 5732, 5733, 5734, 5735; Статистический временник Российской империи. Вып. 12. Спб., 1877. С. 20-21.

ждаемости. По мнению исследователей, для типичного села скачки разницы рождений мальчиков и девочек были более заметными – от 0,71 до 1,23 [23, с. 224].

Выборочные данные метрических книг и статистические материалы свидетельствовали о том, что пики рождений приходились на январь–февраль и октябрь–ноябрь. Самые низкие показатели рождаемости отмечались в мае–июне.

Вопрос о регистрации части декабрьских рождений в январе и как следствие искусственном завышении январских показателей был специально изучен рядом исследователей [13, с. 317-341].

По данным на 1868 г., июньские показатели рождаемости в Тамбове становятся сопоставимыми с февральскими, заметно выросло число рождений в декабре, что могло быть обусловлено улучшением качества регистрации. Одно из пиковых значений рождаемости тамбовских обывателей было отмечено в августе. В целом сезонность рождений становится более «сглаженной».

Б.Н. Миронов полагает, что изменения в демографических показателях до середины XIX века были незначительны, что свидетельствовало о том, что «за 150-летний период ни городское, ни сельское население не испытало в своем воспроизводстве серьезных перемен» [15, с. 552]. По мнению А.Г. Вишневого, несмотря на то, что глубина перемен в жизни населения и процессы капиталистического развития не были одинаковыми для отдельных районов России, говорить о радикальных изменениях в демографическом поведении населения Европейской России (наиболее развитой части страны) нет оснований [2, с. 105-134].

Коэффициенты рождаемости в Тамбове в первой половине XIX века оставались на высоком и сверхвысоком уровне, характерном для традиционного типа рождаемости. В то же время уровень рождаемости в губернском центре в первой половине XIX века был ниже, чем в сельских населенных пунктах губернии и средних показателей рождаемости по городам России. Процессы модернизации, урбанизации и индустриализации оказывали определенное влияние на такие показатели, как: число детей в семьях тамбовских обывателей, снижение младенческой смертности, сезонность рождаемости, число и

удельный вес незаконнорожденных детей. Однако эти перемены не были кардинальными, свидетельствовавшими о переходе к современному типу рождаемости. Для большей убедительности выводов необходим погодный анализ метрических книг, использование дополнительных источников, методов и информационных технологий.

Список литературы

1. Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). М., 1956.
2. Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР / под ред. А.Г. Вишневого. М., 1977.
3. Водарский Я.Е. Население России за 400 лет (XVI – начало XX в.). М., 1973.
4. Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. М., 1963.
5. Анри Л., Блюм А. Методика анализа в исторической демографии. М., 1997.
6. Blum A., Troitskaya I., Avdeev A. Family, marriage and social control in Russia – Three villages in Moscow region // Family Structures, Demography and Population. A Comparison of Societies in Asia and Europe / ed. by M. Neven, C. Carpon. Liege: Laboratoire de Démographie de l'Université de Liège, 2000. P. 88-92.
7. Modèles en démographie historique / réd. A. Blum, N. Bonneuil, D. Blanchet. P., 1992. 370 p.
8. Авдеев А., Блюм А., Троицкая И. Сезонный фактор в демографии российского крестьянства в первой половине 19 века: брачность, рождаемость, младенческая смертность // Российский демографический журнал. 2002. № 1. С. 35-45.
9. Аколзина М.К. Моршанск – хлебный порт России (середина XVIII – середина XIX). Тамбов, 2011. 208 с.
10. Бодрова Ю.В. Семья провинциального чиновника первой половины XIX века (на материалах Тверской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 2009.
11. Вишневский А.Г. Демографическая революция. М., 2005.
12. Гончаров Ю.М. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2002. 384 с.
13. Дьячков В.Л., Канищев В.В. Декабрьские рождения. К вопросу о роли религиозного фактора в демографическом поведении традиционного крестьянства. Тамбовская губерния, XIX–XX в. // Круг идей: электронные ресурсы исторической информатики: тр. 8 конференции Ассоциации «История и компьютер» /

- под ред. Л.И. Бородкина, В.Н. Владимирова. Барнаул, 2003. С. 317-341.
14. *Ивонин А.Р.* Западносибирский город в последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX в. (Опыт историко-демографического исследования). Барнаул, 2000.
  15. *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб., 2014. Т. 1.
  16. *Морозова Э.А.* Особенности социально-демографического облика торгово-промышленного села в первой половине XIX в. (на примере села Рассказово Тамбовской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2003.
  17. *Орлова В.Д.* Нарративные источники об отношении русского сельского населения XIX в. к рождению, браку, смерти // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв. Тамбов, 2002. С. 115-125.
  18. *Шестаков М.В.* Российское провинциальное дворянство в последней четверти XVIII – первой половине XIX вв. (на материалах Тамбовской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2006.
  19. *Стрекалова Н.В., Стрекалов Д.В.* Источники для изучения социально-демографических процессов в российском провинциальном городе в конце XVIII – первой половине XIX в.: проблемы, возможности, перспективы // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города: сб. науч. ст. Всерос. конф. с междунар. участием. Сургут: СурГУ, 2015. С. 265-279.
  20. *Владимиров В.Н., Сарафанов Д.Е., Щетинина А.С.* «Новая историческая демография» в России: эволюция или скачок в развитии // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 3 (154). С. 29-53.
  21. *Шелестов Д.К.* Историческая демография. М., 1987.
  22. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб., 1999. Т. 1.
  23. *Дьячков В.Л.* Русский крестьянин на пути от биологического существа к социальному: условия, особенности и последствия движения в конце XVIII – начале XX вв. // Особенности российского землевладения и проблемы расселения: материалы 26 сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы / отв. ред. Л.В. Милов. Тамбов, 2000. С. 220-229.
  24. *Новосельский С.А.* Смертность и продолжительность жизни в России. Пг.: тип. М-ва вн. дел, 1916.
  25. *Кончаков Р. Б.* Демографическое поведение крестьянства Тамбовской губернии в XIX – начале XX в. Новые методы исследования: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2001.
  26. *Носевич В.Л.* Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе. Минск, 2004.
  27. *Стрекалов Д.В.* Проблемы брачности городских обывателей в конце XVIII – первой половине XIX в. (по материалам Тамбова) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2009. Вып. 8 (76). С. 314-318.
  28. *Стрекалов Д.В., Стрекалова Н.В.* Структура и типология провинциальной городской семьи в конце XVIII – первой половине XIX века (на материалах Тамбова) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2018. Т. 23. № 172. С. 119-130. DOI 10.20310/1810-0201-2018-23-172-119-130.

Поступила в редакцию 03.09.2018 г.

Отрецензирована 02.10.2018 г.

Принята в печать 29.10.2018 г.

Конфликт интересов отсутствует.

Информация об авторах

Стрекалов Дмитрий Валерьевич, кандидат исторических наук, сотрудник кафедры всеобщей и российской истории. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: strekalovdv@gmail.com

Стрекалова Наталья Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей и российской истории. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: strekalovanv@mail.ru

Для корреспонденции: Стрекалова Н.В., e-mail: strekalovanv@mail.ru

Для цитирования

Стрекалов Д.В., Стрекалова Н.В. К проблеме рождаемости в провинциальном российском городе в конце XVIII – первой половине XIX века (на материалах Тамбова) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 178. С. 128-139. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-178-128-139.

**A BIRTH RATE PROBLEM IN A PROVINCIAL RUSSIAN CITY
IN THE LATE 18th – EARLY 20th CENTURY
(basing on the materials of Tambov)**

Dmitry Valeryevich STREKALOV, Natalya Valeryevna STREKALOVA

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
E-mail: strekalovanv@mail.ru

Abstract. A birth rate as the major primary demographic process plays a key role in the course of population reproduction, influence on all society life spheres. We consider a number of controversial issues related to the study of some aspects of birth rate in a provincial Russian city at late 18th – the first half of the 19th centuries. We identify the features and problems of birth rate registration and analyze birth rate, the number of births per marriage, the number of children in families, the gender ratio at birth, the number and proportion of illegitimate children in the structure of the newborn in a provincial city in the late 18th – the first half of the 19th centuries. The comparative analysis reveals the birthrates from high to the highest level in this period that is typical for traditional society. At the same time, the study records the reduction in the number of children in the families of Tambov, the decrease in the number of families with six or more children, the reduction in the proportion of illegitimate children from the Tambov Orthodox population in the late 18th – the first half of the 19th centuries and its increasing in the post-reform period. There was a decrease in infantile mortality. We identify the need to expand the source base, to use the methodological and methodical approaches of a multidisciplinary study and the possibilities of information technologies to clarify a number of quantitative indicators that characterize the birthrate and demographic processes in a provincial Russian city at late 18th – the first half of the 19th centuries.

Keywords: birth rate; Tambov; urban population; demographic processes

References

1. Rashin A.G. *Naseleniye Rossii za 100 let (1811–1913 gg.)* [Russian Population for 100 Years (1811–1913)]. Moscow, 1956. (In Russian).
2. Vishnevskiy A.G. (ed.). *Brachnost', rozhdayemost', smertnost' v Rossii i SSSR* [Marriage, Birth and Death Rate in Russia and USSR]. Moscow, 1977. (In Russian).
3. Vodarskiy Y.Y. *Naseleniye Rossii za 400 let (XVI – nachalo XX v.)* [Russian Population for 400 Years (16th – Early 20th Centuries)]. Moscow, 1973. (In Russian).
4. Kabuzan V.M. *Narodonaseleniye Rossii v XVIII – pervoy polovine XIX v.* [Russian Population in 18th – First Half of 19th Century]. Moscow, 1963. (In Russian).
5. Anri L., Blyum A. *Metodika analiza v istoricheskoy demografii* [Analysis Methods on Historical Demography]. Moscow, 1997. (In Russian).
6. Blum A., Troitskaya I., Avdeev A. Family, marriage and social control in Russia – Three villages in Moscow region. *Family Structures, Demography and Population. A Comparison of Societies in Asia and Europe*. Liege, Laboratoire de Démographie de l'Université de Liège, 2000, pp. 88-92.
7. Blum A., Bonneuil N., Blanchet D. (eds.). *Modèles en démographie historique*. Paris, 1992, 370 p. (In French).
8. Avdeyev A., Blyum A., Troitskaya I. Sezonnnyy faktor v demografii rossiyskogo krest'yanstva v pervoy polovine 19 veka: brachnost', rozhdayemost', mladencheskaya smertnost' [Season factor in Russian peasantry demography in the first half of 19th century: marriage, birth and child death rate]. *Rossiyskiy demograficheskiy zhurnal* [Russian Demography Journal], 2002, no. 1, pp. 35-45. (In Russian).
9. Akolzina M.K. *Morshansk – khlebnnyy port Rossii (seredina XVIII – seredina XIX)* [Morshansk is the Grain Port of Russia (Mid-18th – Mid-19th)]. Tambov, 2011, 208 p. (In Russian).
10. Bodrova Y.V. *Sem'ya provintsial'nogo chinovnika pervoy poloviny XIX veka (na materialakh Tverskoy gubernii): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Family of a Provincial Official of the First Half of the 19th Century (on the Materials of the Tver Province). Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Tver, 2009. (In Russian).
11. Vishnevskiy A.G. *Demograficheskaya revolyutsiya* [Demography Revolution]. Moscow, 2005. (In Russian).
12. Goncharov Y.M. *Gorodskaya sem'ya Sibiri vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.* [City Family of Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century]. Barnaul, 2002, 384 p. (In Russian).

13. Dyachkov V.L., Kanishchev V.V. Dekabr'skiye rozhdeniya. K voprosu o roli religioznogo faktora v demograficheskom povedenii traditsionnogo krest'yanstva. Tambovskaya guberniya, XIX–XX v. [Birth in December. To the issue of religious factor role in demographic behavior of traditional peasantry. Tambov province, 19th–20th century]. *Trudy 8 konferentsii Assotsiatsii «Istoriya i komp'yuter» «Krug idey: elektronnyye resursy istoricheskoy informatiki»* [Proceedings of 8th Conference of Association “History and Computer” “Ideas Circle: Electronic Resources of Historical Informatics”]. Barnaul, 2003, pp. 317-341. (In Russian).
14. Ivonin A.R. Zapadnosibirskiy gorod v posledney chetverti XVIII – 60-kh gg. XIX v. (*Opyt istoriko-demograficheskogo issledovaniya*) [North-Siberian City in the Last Quarter of 18th – 60s of 19th Century (Historical and Demographical Research Experience)]. Barnaul, 2000. (In Russian).
15. Mironov B.N. *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu: v 3 t.* [The Russian Empire: from Tradition to Modernity: in 3 vols.]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin's Publ., 2014, vol. 1. (In Russian).
16. Morozova E.A. *Osobennosti sotsial'nodemograficheskogo oblicheniya torgovopromyshlennogo sela v pervoy polovine XIX v. (na primere sela Rasskazovo Tambovskoy gubernii): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Features of the Socio-Demographic Appearance of the Commercial and Industrial Village in the First Half of the 19th Century (on the Example of the Village of Rasskazovo of the Tambov Province). Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Tambov, 2003. (In Russian).
17. Orlova V.D. *Narrativnyye istochniki ob otnoshenii russkogo sel'skogo naseleniya XIX v. k rozhdeniyu, braku, smerti* [Narrative sources about relations of Russian village population of 19th century to the birth, marriage and death]. *Sotsial'naya istoriya rossiyskoy provintsii v kontekste modernizatsii agrarnogo obshchestva v XVIII–XX vv.* [Social History of Russian Province in the Context of Modernization of Agrarian Society in 18th–20th Century]. Tambov, 2002, pp. 115-125. (In Russian).
18. Shestakov N.V. *Rossiyskoye provintsial'noye dvoryanstvo v posledney chetverti XVIII – pervoy polovine XIX vv. (na materialakh Tambovskoy gubernii): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The Russian Provincial Nobility in the Last Quarter of the 18th – First Half of the 19th Centuries (on the Materials of the Tambov Province). Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Tambov, 2006. (In Russian).
19. Strekalova N.V., Strekalov D.V. *Istochniki dlya izucheniya sotsial'no-demograficheskikh protsessov v rossiyskom provintsial'nom gorode v kontse XVIII – pervoy polovine XIX vv.: problemy, vozmozhnosti, perspektivy* [Sources for the study of socio-demographic processes in the Russian provincial town at the end of XVIII – first half of the nineteenth century: challenges, opportunities and prospects]. *Sbornik nauchnykh statey Vserossiyskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem «Istoricheskaya urbanistika: proshloye i nastoyashcheye goroda»* [Digest of Scientific Articles of All-Russian Conference with International Participation “Historical Urban Studies: Past and Present of the City”]. Surgut, Surgut State University Publ., 2015, pp. 265-279. (In Russian).
20. Vladimirov V.N., Sarafanov D.Y., Shchetinina A.S. «Novaya istoricheskaya demografiya» v Rossii: evolyutsiya ili skachok v razvitiy? [“New Historical Demography” in Russia: Evolution or a Leap in Development?]. *Izvestiya Ural'skogo Federal'nogo Universiteta. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki – IZVESTIA Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*, 2016, vol. 18, no. 3 (154), pp. 29-53. (In Russian).
21. Shelestov D.K. *Istoricheskaya demografiya* [Historical Demography]. Moscow, 1987. (In Russian).
22. Mironov B.N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): Genezis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva: v 2 t.* [Social History of Russia in the Period of Empire (18th – Early 20th Century): Genesis of Personality, Democratical Families, Civil Society and Legal State: in 2 vols.]. St. Petersburg, 1999, vol. 1. (In Russian).
23. Dyachkov V.L. *Russkiy krest'yanin na puti ot biologicheskogo sushchestva k sotsial'nomu: usloviya, osobennosti i posledstviya dvizheniya v kontse XVIII – nachale XX vv.* [Russian peasant on the way from biological being to the social: conditions, peculiarities and consequences]. *Materialy 26 sessii Simpoziuma po agrarnoy istorii Vostochnoy Yevropy «Osobennosti rossiyskogo zemlevladieniya i problemy rasseleniya»* [Proceedings of 26th Session of Symposium on Agricultural History of Eastern Europe “Peculiarities of Russian Landlording and Problems of Resettlement”]. Tambov, 2000, pp. 220-229. (In Russian).
24. Novoselskiy S.A. *Smertnost' i prodolzhitel'nost' zhizni v Rossii* [Death Rate and Lifetime in Russia]. Petrograd, Typography of Ministry of Internal Affairs, 1916. (In Russian).
25. Konchakov R.B. *Demograficheskoye povedeniye krest'yanstva Tambovskoy gubernii v XIX – nachale XX v. Novyye metody issledovaniya: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Demographic Behavior of the Peasantry of the Tambov Province in the 19th – Early 20th Century. New Methods of Research. Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Tambov, 2001. (In Russian).
26. Nosevich V.L. *Traditsionnaya belorusskaya derevnya v yevropeyskoy perspective* [Traditional Belorussian Village in European Prospects]. Minsk, 2004. (In Russian).
27. Strekalov D.V. *Problemy brachnosti gorodskikh obyvateley v kontse XVIII – pervoy polovine XIX v. (po materialam Tambova)* [Problems of nuptiality of the city inhabitants at the end of XVIII – first half of the XIX century (on materials of Tambov)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2009, no. 8 (76), pp. 314-318. (In Russian).
28. Strekalov D.V., Strekalova N.V. *Struktura i tipologiya provintsial'noy gorodskoy sem'i v kontse XVIII – pervoy polovine XIX veka (na materialakh Tambova)* [Structure and typology of a provincial urban family at the end of the 18th – the first half of the 19th century (on materials of Tambov)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2018, vol. 23, no. 172, pp. 119-130. DOI 10.20310/1810-0201-2018-23-172-119-130. (In Russian).

ACKNOWLEDGEMENTS: The research is fulfilled under financial support of Russian Foundation for Basic Research, project “Urban Family and the Processes of Social Modernization of Provincial Russian Town in the Late 18th – Early 20th Century: the Portrait at the Background of the Epoch (Basing on the Materials of Tambov)” no. 17-11-68006-OFG (OFG-P_ЦЕНТРА-А).

Received 3 September 2018

Reviewed 2 October 2018

Accepted for press 29 October 2018

There is no conflict of interests.

Information about the authors

Strekalov Dmitriy Valyerevich, Candidate of History, Coworker of General and Russian History Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: strekalovdv@gmail.com

Strekalova Nataliya Valyerevna, Candidate of History, Associate Professor, Associate Professor of General and Russian History Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: strekalovanv@mail.ru

For correspondence: Strekalova N.V., e-mail: strekalovanv@mail.ru

For citation

Strekalov D.V., Strekalova N.V. K probleme rozhdaemosti v provintsial'nom rossiyskom gorode v kontse XVIII – pervoy polovine XIX veka (na materialakh Tambova) [A birth rate problem in a provincial Russian city in the late 18th – early 20th century (basing on the materials of Tambov)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 178, pp. 128-139. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-178-128-139. (In Russian, Abstr. in Engl.).